

Новый фильм Станислава Говорухина «Так жить нельзя» стал, похоже, центральным событием кинематографической жизни накануне VI съезда Союза кинематографистов, который соберется в Москве на год раньше намеченного срока и подведет итог четырем годам кинематографической революции.

«Так жить нельзя» — это ошарашивающая тревогой и болью документальная фреска, дающая срез нашей сегодняшней жизни с обнаженной откровенностью социального анализа. Оттого и судьба фильма столь проблематична. Между тем острота и актуальность ленты, сделанной человеком страстным и искренним, требует оперативности: этот горький призыв — «Так жить нельзя» — должен быть услышан.

Станислав Говорухин

— Не так давно в одном из интервью вы заявили, что не собираетесь больше заниматься журналистикой, потому что «пресса сегодня ничуть не правдивее, чем во времена застоя»...

— Я действительно не хочу больше что-либо писать. Но готов дать это интервью, потому что давно тебя знаю и надеюсь, что ты еще не научилась врать. Я начал заниматься журналистикой тридцать лет назад и до сих пор убежден, что это мое призвание. Впервые я опубликовался в «Советской культуре» в 1962 году. Но вскоре понял, что правду писать нельзя, а врать — преступно. И возобновил свою публицистическую деятельность только в апреле 1985 года. И опять готов бросить это занятие. Сегодня правда точно никому не нужна. Нужна гласность. А это совершенно не одно и то же.

— Ваша картина «Так жить нельзя» — это первый шаг от гласности к правде? — Если бы в нашем обществе в течение пяти лет существовала не гласность, а правда, я не снимал бы эту картину. Если бы я полтора года назад, а не вчера, прочитал последние патрарха Тихона Совету народных комиссаров, я тоже бы не стал снимать ее: все, что я хотел сказать своей картиной, он сказал в 1918 году. Этот документ исключительной секретности опубликован сегодня журналом «Наш современник», который большая часть интеллигенции не читает, что глупо. Надо читать все.

— В этом же журнале напечатано секретное письмо Ленина по вопросу о том, как надо расправляться с религиозными деятелями. Если бы я все это прочел раньше, я бы не так снял картину. Моя главная забота была — найти самые простые, самые доступные слова, чтобы дошло до всех.

— И тем не менее вы начали показывать картину не где-нибудь в провинции, в глуши, для народа... Вы показываете ее в столице народным депутатам СССР, РСФСР, Моссовета, в Думе кино.

— Правильно. Когда я задумывался о жанре своей картины, мысленно себе говорил, что это письмо в Верховный Совет. Я больше всего хотел, чтобы картину посмотрели члены Верховного Совета, народные депутаты, Политбюро, правительство и Президент.

— Стоит ли добираться до самого Президента?

— Я считал, что у нас многое плохо оттого, что он что-то не берет в расчет. Так что было желание что-то объяснить правительству. Я попытался из мозаики собрать общую картину нашей жизни.

— Картины показывали на Съезде народных депутатов РСФСР. Какое впечатление она там произвела?

— Мне Николай Травкин сказал: «Левые» — полевые, «правые» — поправели, а центр (который все решает) чуть сдвинулся влево». Вот это для меня главное. Значит, мы добились своей цели.

— Вас не смущает ажиотаж вокруг картины?

— Я думаю, он спадет. Многие любят жареное.

— Хотят слухи, что Горбачев посмотрел и ему понравился...

— Если бы это случилось, ажиотаж вокруг картины немедленно бы затих. Так уж устроена наша интеллигенция. По крайней мере некоторая ее часть.

— Меня угнетает и раздражает толпа, где у всех все одинаково: и борода, и одежда. Могут быть модификации, но варианты — по пальцам счесть. У них есть набор любимых писателей, художников. Есть набор писателей и художников, которых нельзя любить ни в коем случае. И не дай Бог кому-то из них сказать, что он любит Распутина, Все — кришась. Он уже выпал из стада. Или спроси у них о Ельцине. У них и тут готова формулировка.

— Вы же всегда своим поведением толпе противостоите. И даже тот факт, что вы не скрываете своей любви, скажем, к Глазунову...

— Не скрываю, хотя он не самый любимый мой художник. Но это Личность. Человек-борец. Человек, который все время держит удар, как боксер на ринге. Однажды мы сидели у меня на кухне, и он сказал одному моему приятелю: «Феликс, ты со мной осторожно. Даже когда я умру, и меня положат в гроб, и заколотят крышку, все равно — подходи ко мне с опаской: такой очередью могут ответить!» Вот что мне симпатично, бесстрашие бойца.

— Кстати, откуда у тебя диктофон-то появился? У тебя же уперли два. Как «криминалист», я это помню.

— Хорошая память. Один украли в нашем любимом ПРОКЕ, другой на самом режимном предприятии в Москве — Центральном телевидении.

— Хочешь, я скажу тебе, что пастухи этого стада будут говорить про мою картину? Учитывая повышенное внимание общества к ней, они скажут примерно следующее: «Картина полезная, нужная. Но все же модификация какой-то новой конъюнктуры. Искусством там и не пахнет. Вот если бы это сделал Иванов, Петров, Бронштейн, Тютюнник — вот тогда бы... да! Не веришь? Готов положить свой гонорар против твоих... А что у тебя есть, кроме редакционного удостоверения?»

— И что вы на это ответите!

— Ничего. Меня не интересует, какое вышло произведение «чистого искусства», если уж говорить честно. Я хотел своей картиной принести пользу обществу. Если центр пошел — уже польза. Если это подействует на Горбачева или Рыжкова — уже польза.

— Как Бакин отнесся к картине! — Я скажу, но не знаю, нужно ли это. Ему картина резко не понравилась.

— Это естественно.

ОТ ГЛАСНОСТИ — К ПРАВДЕ

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы». (Понятно, почему, да? Во-первых, Карл Маркс. Во-вторых, режиссер картины — первый секретарь правления Союза кинематографистов).

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

торского кино. Кино должно развиваться гармонично. Изменились условия, и резко изменились мои представления о моей роли в кинематографе.

— Вы, наверное, помните статью Александра Кабакова в газете «Дом кино». Он поставил вас в один ряд с Гдлом, Невзоровым и вообще отозвался о вас не самым лестным образом. Почему вы ему не ответили, как прочим своим недоброжелателям?

— Мне даже не пришло в голову отвечать ему. Я совершенно не обиделся. Во-первых, он талантливый человек. Талантливому человеку можно многое простить. Во-вторых, он не знает меня лично. Если бы он узнал, что я не такой коварный, жестокий, не такой организованный, властолюбивый и честолюбивый, он бы разочаровался.

— Почему же вы отвечаете и отвечаете другим!

— Согласись: нелепо выглядит обогатившийся, публично оскорбленный человек, заявляющий: «А-а, мне это все до фени!» Знал бы таких. Уважения они не вызывают! Кроме того, я не верю людям, которые, занимая общественную должность, сразу обзаводятся «мерседесами», дачами, квартирами в разных уголках планеты. Я доверяю только бесребрикам. Они могут спасти мир.

— Но вы же тоже переехали из Одессы в Москву!

— Я никогда ничего не просил, и никто никогда мне ничего не давал. Я сам, на свои деньги, поменял свою шикарную квартиру на берегу моря на жалкую квартирну в Москве. Потом путем длительных обменов и постоянных огромных долгов мы получили квартиру, в которой можно существовать. Поэтому, кроме долгов, у меня ничего нет.

— А как вам удается сохранить имидж человека, у которого все есть!

— Я никому не жалуюсь и ничего не прошу. О чем я жалею, так это о том, что у меня нет видео и хорошей машины. Не хорошей в смысле марки, а новой. И то: рассчитаемся с долгами — приобретаю со временем. Долгов у меня — цифра называть страшно. Сколько нужно истратить денег, чтобы совершить эти обмен, ремонт и купить мебельку... Ты представляешь?

— Конечно, представляю. У меня сейчас как раз ремонт... Почему вы, с вашим пессимизмом, не уезжаете!

— Куда я поеду на 55-м году жизни! А потом... Как Глазунову и Коротичу, мне нравится это состояние — быть на ринге. Я никого не боюсь и «всех победю», как сказал Высоцкий.

— Но ведь вашей жене страшно!

— Страшно. Но пока она со мной — ей нечего бояться. Я действительно глотку любому порву, если опасность коснется моих близких.

— Если вы так уверены, что страна захлебнется от террора, то самым серьезным разговором должен стать разговор о нравственности.

— От террора может спасти не только нравственность. Но и магазины, в которых все есть. Поднимать нужно все одновременно. И экономику, и нравственность. Сегодня трудно провести между ними грань. И кино должно играть в этом процессе не последнюю роль. Сегодня оно, к сожалению, работает не на ренессанс...

— Но ведь ваша картина у многих вызывает чувство безнадежности.

— Не у всех. Бондарчук, например, ко мне подошел и сказал, что ему хочется работать. И многие так. Говорят: «Хотим дело делать, ты только скажи, что именно делать нужно».

— Вы же не можете этого сказать.

— Если говорить о деятелях кинематографа, то нужно наступить на горло собственной песне. Нужно вдохнуть в человека надежду. Кинематограф когда-то был фабрикой грез. Пора вспомнить и это призвание кинематографа. Нелзя постоянно выходить из кинотеатра раздавленным.

— Поговорим о вашей публицистике. Ваши статьи порождают множество различных дискуссий, вызывают неадекватную реакцию: брань, наветы, ругань в ваш адрес. Вы сознательно идете на это!

— Я всегда готов к честной полемике.

— А полемика может быть нечестной!

— Вспомни статью Рустама Ибрагимбекова «Новые времена — старые проблемы». Я хранил ее как дорогую реликвию. Сколько интересного узнал я о своей скромной персоне. Там были слова и о художественной профессии, и что я сам снимаю лишь «низкопробные детективы», и вообще, дескать, раз-

выступался. Мол, «раньше вел себя тихо, понимая уязвимость своего существования, как деятеля искусства...»

— Наверное, автор этих строк чувствует свою неуязвимость!

— Вот именно. Что касается меня лично — вины перед Ибрагимбековым, государством и зрителями не чувствую: мои «низкопробные» фильмы в отличие от фильмов Ибрагимбекова оценивались всегда очень низко. Призов и званий я не получал, на госпремии меня не выдвигали, на фестивали не посылали.

— Даже «Место встречи изменить нельзя»!

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

— Да, ару. Однажды был я на фестивале в 81-м году, в городе Ереване. Картина уже дважды прошла на телеэкране, пользовалась шумным зрительским успехом, скажу откровенно, надеялся и мы оторвать какой-нибудь призок. Не первый, конечно. Время тогда было суровое, но справедливое. Все расплывалось заранее. Обладателем «Гран-при» назначено было быть фильму «Карл Маркс. Молодые годы».